

Кочуют птицы по губам
Горячих женщин на диванах
И к осторожным их шагам
Тепло прислушивается рана
Оставим птицу на столе
В оцепенении канючем
В бесперебойном хрустале
И оперении колючем
Ночуют птицы на балах
С размахом ветреного принца
Когда какое дело швах
Они сумеют отлучиться

Оставим птицу корчевать
Бездельный ужас рукомясо
Положим лампочку в кровать
Она и так уже без глаза

Убитых наповал приветствуют на рынке
Огромные врачи и яблоками глаз
Торгуют – торгоши, торгуя без запинки
Как краснойбай враньем разжалобленных

враз

Как лепесток — литьем, подарок —
пружиной
Вонзается земля (она не шар — игла)
В горячий магазин на улице неглинной
Где властвует аборт и кровоточит мгла

Аборт, мой милый пес, лети без остановки
До остановки той, где грязная игла
И голубая ночь лежит наизготовку
В немой сумятице блестящего стекла

Да, платья лысые и плачущие тоже
Никак не объяснить, что я нагородил
Они водили мной — как бы иглой по коже —
Я перещупал мглу как сотни грязных рыл

Язык не удивлен, ломается молитва
На полпути до дна, и на стихах вода
Обрезана как тень трепещущая бритвой
И в гулкой желтизне стрекочут поезда

Какие поезда? Какие-то такие
Которые, когда направлен разговор
На полпути до дна, они летят лихие
Как в сумерках густых летит с обрыва вор

Оборван, как язык, попавший в мясорубку
Чудовищного сна, пока не надоест
Он выжимает нас как выжимают губку
Ночные поезда летят наперерез

Навстречу жизни той, которая, как эта
Сурьмянится, иглой пронизывает глаз
И вытекает речь, как жир из мертвой кеты
А если нет его — как слизь канючих фраз

И в сумраке ночном взрываются ракеты
Пожалуй, и меня когда-нибудь взорвут
Пожалуй, подождут, покамест есть. Все это
Займет не целый час, а целых пять минут

Я удивлен. Я глаз, разрезанный могилкой
Поющий наобум случайные слова
О том, что жизни соль, отравленная —
в жилах
В горячей слепоте любого естества

Отрезанная речь от ломтя дорогого
Я все тебе отдам — и чай и пахлаву
Перебинтуй пока кого-нибудь другого
Увиденного сном канючим наяву

и с улыбкой самопальной
громкой смерти проводник
Бог программки рисовальной
вырезает мне язык
и — ни слова об огромной
говорящей высоте
глубине слепой и темной
и придуманной звезде
как же ежится водитель
и в каком кошмаре спит
звезд колючих повредитель
победитель либо кит
и — ни слова. И ни слова
О любимой. Слово сон
Соткан из границы слова.
И вернулся с похорон
Ужас чести, ужас лести
И ворон горячий грай —
Обжигające вести —
Сна велеречивый рай
Сердце пьяное стучится
В доме тихо и темно
И страница за страницей —
Колыбельное окно
И — ни слова. Слово слово
Солнце, встреча. Все равно
Голос жизни бестолковый
В колыбельное окно
На распахнутом зиянье
В неподвластной тишине
В черно-белом океане
И осточертелом сне
И — ни слова. И — ни слова.
Тишина. Земля молчит.
Дышит ангел бестолковый
Зверь колодезный урчит

Результата уже не вернуть.
Разрывают мне впалую грудь
Удалые ростки результата.

Глупо щурясь, выходят на свет
Камень, ножницы и пистолет
Из прозрачной реки пубертата.

Будем, значит, знакомы. Я свет,
Ты ребяческий пистолет.
Умирание — это учеба

Каждый день, каждый час по пятам
Не крадется, а кажется нам,
Что крадется голуба.

Воевали не деды — а смерть
Воевала, в огромную дверь
Пубертата просунуто дуло.

Это значит сквозняк. Это кот
Проскользнул и не запер. А год
Промелькнул и не замер. Со стула,

Улыбаясь, глядит пустота
С голой твердью прозревшего рта.
Умирание славно уснуло.

Я тебе напишу, как умру,
Не письмо, а обнимку. Совру,
Если ты не ответишь в обнимку,

Будто челюсти лязгают там,
Где не смерть, а стремглав по пятам.
Там за нами бегут фотоснимки.

Умирает заснеженный сад,
Ангел щупает пух между. Взгляд
Пробегает, как дьявол по коже.

Потому-то не снятся мне сны,
И не стоит стремиться на ны,
И не стоит обратно в моложе.

Как мертвецов холодные гробы
Не избежат бессовестной судьбы
Так я сыграю в очень долгий ящик

И буду долго гнать велосипед
Холодной смерти сквозь червей и бред
Чтоб стать хоть на мгновенье настоящим

Навязчиво, наверное, но бред
И знать не знает про велосипед
Сипит себе прокуренно — о, зрящий

Сквозь сотню лет не видишь ни хрена
Везде тебе судьба и стремена
Судьбы напоминают — настоящий.

Когда земля отхлынет, как волна отхлынет
И в полумертвом рту заговорит страница
Забытая в какой-то черной глине
Горячей мгле, как вечности зеница

Увечен тот, кто говорит о рае
В краю горячих скудных новостроек
Кто увлечен самой собой, как реей
И верит в речь, простой урок усвоив

Урок, а что еще бывают урки?
В могильном сраме возишься. Скликают
Своих сестер вертлявые фигурки
Не фигуристки. Нежности хватает

На то, чтоб разум сделать не раздольем
Зато почти что выбытым в граните
Прозрачный мой, мне хорошо на воле
На высоте, зените. Извините

Прозрачности ее невоеводство
Не понимаю, почему об этом
Не музыка — но света превосходство
Над лепетом. Над лепетом и ветром